

ПО ПОВОДУ КНИГИ П. ЛЕМЕРЛЯ О «СОВЕТАХ И РАССКАЗАХ» КЕКАВМЕНА *

В Отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве под № 298 (№ 436 — по каталогу Владимира) хранится уникальная рукопись XIV—XV вв., изданная в конце прошлого века русскими византистами В. Г. Васильевским и В. К. Ернштедтом под названием *Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regiis libellus*¹. Пятью годами ранее В. Г. Васильевский опубликовал перевод значительного числа параграфов этого памятника и обширный комментарий, во многом не утративший значения до настоящего времени².

Обилие сведений по византийской, болгарской и валахской истории X—XI вв. обусловило значительный интерес к сочинению Кекавмена болгарских и румынских историков, а затем и византистов Запада³. В середине 30-х годов английская исследовательница Дж. Баклер приступила к подготовке нового издания. В связи с этим она опубликовала ряд статей, касавшихся главным образом проблемы авторства, соотношения обеих частей памятника и идентификации лиц, упоминаемых в нем⁴. Однако издание, подготовленное умершей несколько лет назад исследовательницей, до сих пор не увидело света⁵.

Работы Баклер вызвали еще больший интерес к сочинению Кекавмена у западноевропейских ученых и историков Румынии, Венгрии и Болгарии. Особо следует отметить статьи Н. Бэнеску,⁶ обстоятельную работу венгерского ученого М. Дьони⁷, а затем статью болгарской исследовательницы Г. Цанковой-Петковой, впервые широко привлечшей наш памятник для изучения вопроса о социально-экономических отношениях в юго-западных болгарских землях в период византийского господства⁸. В 1956 г. западногерманский византист Г. Г. Бек издал полный перевод сочинения Кекавмена с примечаниями и введением⁹. Книга П. Лемерля явилась, таким образом, закономерным итогом подготовительной работы, выполненной учеными многих стран. Она была написана, кстати говоря,

* P. L e m e r l e. *Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos.* «Académie Royale de Belgique. Classe des lettres et des sciences morales et politiques. Mémoires», t. LIV. Bruxelles, 1960, 120 p.

¹ Записки Ист.-фил. фак-та СПб. ун-та, т. XX XVIII, 1896.

² В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Советы и рассказы византийского боярина XI в. ЖМНП, ч. 215, 1881, июнь; ч. 216, 1881, июль и август.

³ См. библиографию: Gy. M o g a v c s i k. *Byzantinoturcica*, II. Berlin, 1958, S. 351—352; Г. Ц а н к о в а - П е т к о в а. Югозападните български земи през XI в. според «Стратегикона» на Кекавмен. ИИБИ, 6, 1956, стр. 591, 617; И. Д у й ч е в. Няколко бележки към Кекавмен. ЗРВИ, кн. 5, 1958, стр. 59 сл.

⁴ G. V u s k l e r. *Authorship of the Strategicon of Cesaumenos.* BZ, 36, 1936; e a d e m. *Can Cesaumenus be the Author of the Strategicon?* Byz., XIII (1), 1938.

⁵ В 1958 г. на обложке II тома *Corpus Bruxellense historiae Byzantinae* появилось объявление, что издание Баклер с переводом и комментарием будет опубликовано в IV т.

⁶ N. B ä n e s c u. *A propos de Kékauménos.* Byz., XIII (1), 1938; i d e m. *Les duchés byzantins Bulgarie et Paristrion (Paradounavon).* Bucarest, 1946.

⁷ M. G y ó n i. *L'oeuvre de Kékauménos source de l'histoire roumaine.* «Revue d'histoire comparée», nouvelle série, t. III, № 1—4. Budapest, 1945.

⁸ Г. Ц а н к о в а - П е т к о в а. Указ. соч.

⁹ H.-G. B e c k. *Vademecum des byzantinischen Aristokraten. Das sogenannte Strategicon des Kekaumenos.* Graz — Wien — Köln, 1956. В целом вполне квалифицированный перевод Бека содержит лишь незначительные погрешности и пропуски. Например, на стр. 93 пропущена фраза *διὰ γὰρ ταύτης Θεοῦ χάριτι ταῦτα ποιούμεν* (Сес., р. 51.1), на стр. 99 отсутствует предложение *ἄρατοι οὐδὲν ἀγαθὸν χωρὶς πόνου* (Сес., р. 54.32), на стр. 145 пропущены слова *τὸν γενομένον πότε καίσαρα* (Сес., р. 100.14). Странно, что П. Лемерль не упоминает о переводе Бека.

в результате работы специального семинара византинистов, которым руководил французский ученый.

П. Лемерль определяет свое исследование лишь как предварительные заметки к изданию текста; он не ставит задачи решить все те вопросы, которых касается, справедливо замечая, что эта цель в какой-то мере может быть достигнута лишь после нового издания памятника (р. 4). В действительности же книга Лемерля является первой попыткой всестороннего рассмотрения сочинения Кекавмена. Автор нередко поднимает широкие вопросы политической и экономической истории Византии, сопоставляя данные «Стратегикона» со сведениями других источников.

Книга состоит из краткого введения, 10 глав и трех приложений. П. Лемерль исследует вопросы об авторстве обеих частей памятника, о делении его на параграфы, о его композиции, о дате написания, о лицах, к которым адресуется автор памятника, о самом авторе и его родственниках, о государственных институтах — по данным исследуемого памятника; он останавливается на значении книги Кекавмена как источника для политической истории и для истории внутреннего строя и заканчивает работу главой, где дает ответ на вопрос, что представляет собой «средний византиец», каким, по мнению Лемерля, был Кекавмен.

Весьма важно первое приложение к книге, в котором дан список конъектур с кратким их обоснованием. Как нам представляется, за немногими исключениями, предложенные Лемерлем конъектуры вполне оправданы и улучшают чтение памятника. Другие два приложения написаны участниками упомянутого выше семинара: М. Матью (Заметка к § 78 «Стратегикона», в котором упоминается «Роберт Франк») и Ж. Гуйаром (Заметка о § 228—234, представляющих собою изложение раздела «Диалектики» Иоанна Дамаскина).

Сопоставляя текст «Стратегикона» и «Советов императору» (приписанных издателями двум разным авторам), Лемерль убедительно показал стилистическое единство обоих произведений (р. 6—8). К аналогичному выводу еще до Лемерля пришли Дж. Баклер, Н. Бэнеску и Г. Бек, но французский исследователь идет дальше. Тщательно анализируя существующее издание, П. Лемерль убедительно показывает его недостатки и ставит вопрос о том, не следует ли подозревать более глубокую путаницу в расположении отдельных параграфов¹⁰, чем это предполагали сами издатели (р. 10). Сравнение находящегося в рукописи перечня заголовков параграфов с заголовками самих параграфов в тексте (они нередко противоречат содержанию озаглавленного отрывка) привело Лемерля, в частности, к выводу, что согласно старой рукописной традиции, «Советы императору» предшествовали тем параграфам «Стратегикона», в которых содержатся советы к топарху (р. 16) — иными словами, они входили составной частью в книгу Кекавмена.

По мнению Лемерля, название сочинения «Стратегикон», хотя и засвидетельствовано прологом, [который, по предположению французского ученого (р. 9, п. 1), принадлежал одному из потомков Кекавмена], не является подлинным наименованием (*un titre impropre* — р. 9) всего памятника, а может быть отнесено только к его части (р. 18). В связи с этим Лемерль рекомендует возвратиться к удачно предложенному еще В. Г. Васильевским наименованию «Советы и рассказы» (*Conseils et Récits*)¹¹.

¹⁰ Странным представляется утверждение автора (р. 9, п. 2), что на фотографии, приложенной к изданию одной страницы рукописи, якобы отсутствует на полях номер § 184, — на фотографии ясно видно число ρδδ', как это и воспроизвели издатели (С е с., р. 72, 28).

¹¹ Впрочем, в этой связи можно было бы обратить внимание на то обстоятельство,

Вполне убедителен вывод, что автор памятника обращается в первой его части не только к своим детям (и внукам, добавим мы. — см. р. 74.3), но к более широкой публике, собственно, ко всякому «честному человеку» (*pour un honnête homme*) (р. 19). Впрочем, к этому выводу приходил и М. Дьони¹².

Наибольшие по объему главы (VI и VII) работы Лемерля посвящены выяснению генеалогии автора памятника и его родственников из рода Никулиц (р. 20—56). Особый интерес представляет при этом хорошо аргументированный вывод, что дедом Кекавмена по отцовской линии был грузинский князь Григорий Кахадзе (прозванный после перехода на службу в Византию Кекавменом), сын правителя области Тайк. Автор опирается при этом на давно (с середины XIX в.) известную, но не привлекавшую должного внимания копию греческой надписи из ныне несуществующей церкви в центре области Тайк (р. 29—35). При этом следует отметить, что П. Лемерль в целом весьма осторожен в идентификации описанных Кекавменом лиц с лицами, известными по другим источникам, и, как ему удается доказать, эта осторожность вполне оправдана. В частности, соображения автора о недопустимости идентификации Кекавмена — автора памятника с Катакалоном Кекавменом — византийским полководцем середины и второй половины XI в. (р. 37—40) еще более подкрепляют сходный вывод Н. Бэнеску¹³ и Г. Цанковой-Петковой¹⁴.

Весьма интересна IX глава, в которой автор рассматривает свидетельства Кекавмена о внутреннем строе Византии. Лемерль говорит преимущественно о военной, гражданской и фискальной администрации, делая при этом ряд ценных наблюдений. Интересен вывод, что авторитет и влияние в провинции основывались иногда не на исполнении высокой и ответственной должности представителя официальной власти, а на личном богатстве и могуществе местных, как правило, «крупных земельных собственников» (р. 79). В связи с этим существенно высказывания Лемерля об отношениях независимых или полузависимых от империи топархов с представителями византийских пограничных властей (р. 80—82). Затрагивая вопрос о провинциальной администрации, Лемерль подчеркивает, что стратиг, в отличие от фемного судьи, отправлял преимущественно военные функции (р. 85), причем нередко этим термином в XI в. обозначали не главу фемы, а коменданта крепости (р. 86); дуку же Лемерль рассматривает как военного коменданта, стоящего выше стратига (р. 88)¹⁵.

что у авторов XI в. наречие *στρατιωτικὸς* употреблялось как синоним *ἀπλῶς* для обозначения простоты стиля (С. S a t h a s. *Bibliotheca graeca*, V, p. 434. 7; M i c h a e l P s e l l o s. *Scripta minora*, II, p. 310. 3—4). Не следует ли в этой связи высказать предположение (разумеется, весьма гипотетическое), что название «Стратегикон» могло характеризовать не содержание, а авторскую манеру «по-солдатски просто» написанной книги?

¹² М. G у б н i. *Op. cit.*, p. 101. Сходные взгляды высказывал уже С. Шестаков в оставшейся неизвестной Лемерлю работе «Византийский тип «Домостроя» и черты его сходства с Домостроем Сильвестра» (ВВ, VIII, 1901, стр. 63).

¹³ См. N. B а н е с к у. А propos de Kékauménos, p. 130—136. Впрочем, небезынтересна деталь, не отмеченная Лемерлем. Согласно изданию Н. Бэнеску (N. B а н е с к у. *Deux poètes byzantins inédits du XIII siècle*. Bucarest, 1913) и по другому списку — Сп. Ламбросом (NE, 16, с.л. 53—59) поэме монаха Макария Калорита («Стратигу Катакалону», полководец Катакалон Кекавмен происходил из Фессалии (Τὸ Φεσσαλῶν φῶς — называет его Калорит), т. е. оттуда же, где и дед автора Кекавмен, и он сам несли свою службу и имели свои владения.

¹⁴ Г. Цанкова-Петкова. Указ. соч., стр. 597—599.

¹⁵ Идеи Лемерля об эволюции должности стратига от главы фемы до подчиненного дуке коменданта крепости были развиты его ученицей Э. Гликатци-Арвейлэ (H. G l y k a t z i - A h r w e i l e r. *Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX-e—XI-e siècles*. Paris, 1960, p. 52). О градациях дук и стратигос см. также:

Разумеется, мы указали далеко не на все удачи и достоинства работы Лемерля; их немало. Но немало, на наш взгляд, в его труде и таких выводов, замечаний или утверждений, которые кажутся спорными, неточными, а то и вовсе неприемлемыми.

Прежде всего нам хотелось бы сделать одно возражение относительно методики исследования источника, свойственной П. Лемерлю. Не только в этой работе, но и в статьях, посвященных аграрной истории Византии¹⁶, Лемерль придерживается метода комментирования источника — метода, развитого в свое время В. Г. Васильевским и получившего классическое завершение во второй части известной книги Б. А. Панченко¹⁷. Постепенное расширение круга источников, доступных византинистам, привело, однако, к тому, что достоинства метода комментирования, позволявшего детально характеризовать изучаемый памятник, стали перекрываться его недостатками — в первую очередь неминуемым в таком случае распылением проблемы, которую приходилось трактовать по несколько раз в связи то с одним, то с другим текстом. Уже П. А. Яковенко, а за ним и Ф. Дэльгер (оба, надо отметить, первоклассные источниковеды) отказались от этого метода и перешли к группированию фактов по проблемам¹⁸. И на примере данной книги мы можем наблюдать, что действительно, как только Лемерль отходит от собственно источниковедческих проблем (датировка и состав памятника, авторство, биография Кекавмена и пр.), недостатки метода комментирования дают себя знать: именно там, где требуется широкое обобщение (вопрос о месте «Советов и рассказов» в византийской литературе XI в. или вопрос о сочинении Кекавмена как источнике для внутренней истории империи), выводы Лемерля вызывают больше всего возражений.

На стр. 95 автор высказывает свое суждение не только о литературных достоинствах произведения Кекавмена, но и о всей византийской литературе вообще. По словам Лемерля, это была литература без читающей публики, литература, лишенная проблем. Подобные взгляды весьма широко распространены и все же глубоко неверны. Византийская литература имела свои проблемы, в том числе проблемы политические и этические (не только богословские!), но они были, если так можно выразиться, закамуфлированы традиционными словосочетаниями, общепринятыми штампами, характерными, кстати сказать, и для западноевропейской средневековой литературы (противопоставлять Кекавмена Монтэню, как это делает Лемерль, разумеется, неправомерно, ибо Монтэнь жил и писал в условиях распада средневековой системы мировоззрения).

Весьма важно к тому же, что в противоположность античной литературе в византийской героизированный образ сверхчеловека-полубога уступил место образу человека сложного, противоречивого, сильного и слабого одновременно. Достаточно вспомнить в этой связи великолепные портреты Михаила Пселла и Никиты Хониата.

Понять место Кекавмена в литературе и идейной жизни его времени можно было бы, на наш взгляд, лишь сопоставив его высказывания с суж-

Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 187. Однако Скабаланович (там же, прим. 2) отождествлял судью и стратига.

¹⁶ P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique», t. 219—220, 1958; i d e m. Recherches sur le régime agraire à Byzance. «Cahiers de civilisation médiévale», II, 1959, № 3.

¹⁷ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. ИРАИК, IX, 1904.

¹⁸ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908; F. D ö l g e r. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig—Berlin, 1927.

дениями современных ему авторов и прежде всего Иоанна Мавропода, Михаила Пселла и Атталиата. С Кекавменом роднит Мавропода и критическое отношение к сборщикам податей¹⁹, и пессимистический взгляд на современность²⁰, и призыв довольствоваться малым²¹. Подобные суждения мы тщетно стали бы искать у Пселла. Различие между знаменитым оратором и автором «Советов и рассказов» отчетливее всего бросается в глаза, если сопоставить их отношение к проблеме дружбы: Пселл на все лады прославляет дружбу, Кекавмен советует остерегаться друга.

Можно обратить внимание и еще на одно обстоятельство: Пселл и Атталиат существенно различаются в оценке не только действующих лиц, но и общественных явлений. Достаточно сказать, что для Пселла нет худшего порока, чем растрата государственных средств — будь то на строительство храмов или на раздачу вельможам²². Атталиат, наоборот, видит в щедрости первое достоинство императора.²³ Повторяем еще раз: если судить о византийской литературе не по отдельно взятому автору, а по совокупности памятников, то нельзя не увидеть пусть скрытой, но все же присущей ей борьбы мнений, группировок, борьбы политических и художественных направлений.

Однако даже отдельно взятое сочинение Кекавмена позволяло ставить вопрос о политических симпатиях этого автора — вопрос, почти совершенно не затронутый Лемерлем. Укажем на некоторые места нашего памятника, небезынтересные в этом отношении.

Осуждая практику раздачи знатым иностранцам, явившимся на службу в Византию, чинов и должностей, Кекавмен считает безукоризненной в этом вопросе политику императоров Македонской династии: Василия II, Романа II, Константина VII «и далее» (καὶ τοῖς ἐπέκεινα), а также Романа III Аргира (р. 95.24—96.2). С уважением и пиететом автор упоминает имя Василия II еще несколько раз (р. 18.9—29.5; 65.25—26; 96.22—24), хотя иной раз отмечает и его неудачи (р. 32.13—27). Любопытно, что Кекавмен с осуждением сообщает о совете: «держит войско в бедности» (πτώχευε λαόν), который будто бы был дан Василию II дурным советчиком (неясно, однако, последовал ли Василий II этому совету.). Далее Кекавмен пишет, что подобная политика по отношению к войску может вызвать его восстание против императора (р. 98.1—6). Если здесь и содержится намек на восстания Варды Склира^{23а} и Варды Фоки, то непосредственно Василия II Кекавмен все-таки не осуждает — виноват дурной советчик.

С симпатией Кекавмен говорит о Романе IV Диогене (ἀνὴρ μνημονεύου φίλιος — р. 72.23—24, 26—27; ср. р. 73. 2), но в то же время хвалит свергнутого и ослепившего Диогена Михаила Дуку, называя его «в высшей степени кротким, смиренным» (р. 73. 18) и милостивым (р. 73.25—26). В связи с этим даже временщика Никифорицу, в отличие от Атталиата и Скилицы, Кекавмен называет «мужем превосходным во всем и в высшей степени разумным и опытнейшим как в военном, так и в гражданском деле, хотя

¹⁹ J o h a n n i s E u c h a i t o r u m metropolitae quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt, ed. P. de Lagarde. «Abh. der hist.-philol. Kl. der K. Gesell. der Wiss. zu Göttingen», Bd. XXVIII, 1, 1882, № 185, 19. (ср. также № 134.2).

²⁰ Ср. ibid., № 36.51; 133. 1—2; 153. 1 et aliis.

²¹ Ibid., № 89. 5—7; 90. 7—8; 91.7—11; 186.18 et aliis.

²² P s e l l o s. Chronographie, t. I. Paris, 1926, p. 42.

²³ A t t a l e i o t a. Historia. Bonnae, 1853, p. 261. 13—15; 180. 5—8 et aliis. Различие во взглядах между этими авторами прослеживается и в ряде других существенных вопросов, но исследование воззрений Атталиата и Пселла должно быть предметом специальной работы.

^{23а} Пселла пишет, что этот «коварный» (πανοῦργον) совет (μηδὲνα τῶν ἐν στρατείᾳ ἔσθ' πολλῶν εὐπορεῖν) дал Василию II Варда Склир (P s e l l o s. I, p. 17. 12—17).

он и был евнухом, великодушным, очень резким, мыслящим и тотчас высказывающим свое мнение» (р. 73.12—15)²⁴.

Особенно большие похвалы Кекавмен расточает, однако, в адрес Михаила IV Пафлагонца (что отмечает и Лемерль — р. 76). Он не был знатного рода, пишет Кекавмен, вышел из низов (*τῶν κατὰ πάντεσσι*), «но имел великие доблести»; неправы те, кто говорит, что тот знатен, а этот худороден. «Я же говорю, что все люди — единого отца дети — Адама, цари и архонты и хлеб себе добывающие. Знал я великих хвастунов, погрязших в воровстве, гаданиях и магии. Таких я называю худородными. Ведь человек, будучи разумен, если захочет, оказывается милостью бога (сам) божественным. Таковым был блаженный царь кир Михаил; украшенный великими доблестями, он имел, однако, много бедных близких родственников, о которых песя Орфанотроф. Это был брат царя, который управлял и дворцом. Возжелал же он обогатить их и дал им позволение грабить чужое имущество, а царь ничего не знал об этом... Крайне ненавистным оказался удивительный и искренний тот человек из-за несправедливости его родственников, и поклялись все уничтожить его род» (р. 98.27—99.16).

Напротив, открыто и резко Кекавмен осуждает Константина X Дуку (р. 67.16—23) и особенно Константина IX Мономаха, «который разорил и опустошил царство ромеев» (р. 99.21—22). Указывая на это, П. Лемерль предполагает, что антипатия к Константину IX объясняется неудачами в карьере Кекавмена во время правления этого императора (р. 76). Очевидно, в этом есть доля истины. Но не только в этом. Ведь именно при Мономахе, по сообщению Скилицы, вместо набора стратиотов взыскивались многочисленные налоги²⁵, а при Константине X, как говорит Атталиат, «поднялся ропот стратиотов», обязанных платить высокие налоги, и стратиотов, которые должны были и обеспечить взыскание возросших податей, и оказать отпор «варварам» «при расстроеном деле набора стратиотов»²⁶.

Нам представляется, что весь тон памятника, открытое недоброжелательство и даже презрение автора к гражданской чиновной аристократии, восхваление императоров, проводивших политику, благоприятствующую военной знати, и порицание правителей, известных, напротив, симпатиями к чиновной бюрократии (Константин IX и Константин X), позволяют видеть в авторе нашего памятника одного из представителей той группировки провинциальной военной знати, которая как раз в это время (в 70-х годах XI в.) готовилась к решительной борьбе за власть и захватила ее через несколько лет, посадив на императорский престол Алексея I Комнина.

«Не позволяй, — обращается Кекавмен к императору, — обеднять и расстраивать твое войско, а если сделаешь его бедным, горько оплачешь самого себя, ибо войско — слава императора и сила его дворца. Без войска казны не составишь, и вообще любой желающий воспротивится тебе» (р. 101. 28—32).

Однако круги, из которых вышел Кекавмен, не принадлежали, по всей вероятности, к верхушке военной знати — это было ее среднее звено. Мы согласны с Лемерлем, что едва ли Кекавмена можно назвать *homo novus* (р. 40); его родственники, отец и деды — знатные и богатые люди, хотя и не ромейского происхождения.

²⁴ Впрочем, не следует забывать, что само сочинение было написано Кекавменом именно в правление Михаила VII Дуки.

²⁵ See *De Gregis*, *Вопное*, 1838—1839, vol. II, p. 608.

²⁶ *Attaliat.*, p. 77, 84—85.

Несмотря на проскальзывающее в сочинении недовольство и чувство обиды воина, которого недостаточно награждают, Кекавмен старается быть в стороне от острой политической борьбы, особенно от борьбы вокруг престола. «Если кто-либо поднимет мятеж,— пишет он,— и объявит себя царем, не вступай в заговор, но удались от него, а если можешь воевать и захватить мятежника, воюй за царя и общий мир». А если не можешь, продолжает он, укройся в крепости и донеси царю; нет крепости— беги, не можешь бежать — прикинься, что ты заодно с мятежниками, а при случае докажи, что был в мыслях всегда с царем, и т. д. (р. 64. 15—26 sq.).

Кекавмен поучает при этом не слушать совета друзей, как бы тяжелы обстоятельства ни были (р. 69. 21—26). «Ибо никогда не было так, чтобы тот, кто осмелился поднять возмущение против царя и пытался погубить мир в Романии, не был бы сам погублен. Поэтому заклинаю вас, дети мои дорогие, данные мне господом, быть всегда на стороне и на службе царя, ибо сидящий в Константинополе царь всегда побеждает» (р. 73. 26—74. 3).

Кекавмен принадлежал, скорее всего, к тому среднему слою военной знати, которая не играла сама непосредственно большой роли в политике, но была главной опорой для высшей военной аристократии в ее решительных столкновениях со столичным чиновничеством.

Глава IX рецензируемой работы рассматривает те сведения, которые может извлечь из «Советов и рассказов» историк внутреннего строя Византийской империи. Эти сведения привлекались сравнительно мало—лишь Г. Цанкова-Петкова указала на некоторые из них²⁷. На наш взгляд, Лемерль извлек из сочинения Кекавмена далеко не все, что в нем содержится, и мы позволим себе сделать некоторые дополнения.

Интересен отказ Кекавмена (стр. 7. 4—5) от принципа коллективной ответственности за преступление. Этот принцип, восходящий, видимо, к «варварскому» праву, сохранялся еще в XII в., как свидетельствует устав монастыря Космосотиры²⁸. Очень существенно изображение Кекавменом хозяйства крупного собственника²⁹; любопытны данные о невольных и свободных слугах крупного собственника³⁰.

Хотя Лемерль посвятил специальный параграф податному устройству империи (р. 90—92), и здесь можно было бы кое-что добавить. Специального внимания заслуживает рассказ Кекавмена (р. 40. 14—19) о том, как *ἀνδροπός βασιλικός* является в провинцию и требует выполнения ангарии, а наместник освобождает от несения ангарий одного—как друга, другого—как родича, третьего—как «династа»³¹ (!). Традиционному представлению об отсутствии в Византии городского самоуправления противоречит совет Кекавмена распределять повинности *μετὰ τοῦ κοινού*. Некоторое подтверждение слов Кекавмена мы находим у Вриенния и Анны Комнины, рассказывающих о действиях Алексея Комнина, который в Амасии созывает городское собрание (*ἐκκλησία*), желая

²⁷ Г. Цанкова-Петкова. Указ. соч., стр. 600—614.

²⁸ L. Petit. *Typicon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos*. ИРАИК, XIII, 1908, стр. 66 сл.

²⁹ С е с., р. 36. 10—13 и далее. Отметим ошибочный перевод Бека (стр. 71): es gibt keine Einkommensquelle, die höher steht (?), als die Bearbeitung des Bodens. 'Υπὲρ τὸ ἐργάζεσθαι τὴν γῆν надо переводить: «п о м и м о обработки земли».

³⁰ С е с., р. 44.28—31. Ср. р. 61.18. См. интересные параллели P s e l l o s. *Scripta minora*, II, р. 49. 21—22; 255. 19.

³¹ С е с., р. 42. 22—24. Ср. р. 42. 12—15. Это место указано Лемерлем на стр. 92,

получить с горожан деньги³². Не затронут Лемерлем и вопрос об экскуссии: (Сес., р. 42. 16: ἐξκουσῆσαι надо исправить: ἐξκουσῆσαι); по-видимому, значение термина экскуссия у Кекавмена противоречит традиционному представлению об экскуссии — налоговом иммунитете³³.

Наиболее существенные возражения в этой связи вызывает отрицание Лемерлем византийского феодализма. Справедливо отмечая, что в известиях Кекавмена «о классах общества» нет точности, что как низшие слои общества (οἱ ἄρτον ζητοῦντες или οἱ πτωχοί), так и высшие (ἄρχοντες) обозначаются в памятнике весьма неопределенно; Лемерль пишет: «Коротко говоря, без труда распознается общество, в котором различие условий значительно, но нельзя сказать о наличии четко разграниченных классов; в котором личное положение «экономически сильных» дает им подлинно великую роль и значение, хотя и без опоры на государственные институты, и не придает никакого феодального колорита режиму, при котором все исходит от императора» (р. 79 — 80).

Верно, что у Кекавмена классы общества разграничены нечетко. Но это характерно для большинства нарративных источников средневековья, что, кстати говоря, объясняется не только чисто субъективными, но и объективными причинами: в средневековом обществе, раздробленном на множество прослоек, категорий и сословий, действительно трудно провести четкие границы каждой социальной группы. Но неверно, что нельзя провести достаточно четкую грань между двумя основными классами, между теми «экономически сильными» крупными земельными собственниками, топархами, династами, повелителями, о которых пишет сам Лемерль, и «бедными», «земледельцами», «рабами», «элевтерами» и «людьми», которыми распоряжались династы, которых они судили, наказывали или награждали.

Как и большинство буржуазных исследователей, Лемерль видит в феодализме лишь надстроечное явление; отвергая византийский феодализм, он отрицает наличие в Византии XI в. специфически феодальной политической организации общества: системы вассалитета, иерархии и т. д. Однако в сочинении Кекавмена содержится немало фактов, которые свидетельствуют как раз о существовании в империи феодальных институтов (пусть еще не получивших окончательного завершения)³⁴. Сам Лемерль отметил, что влияние Никулицы в Лариссе не было определено его местом в государственном аппарате; он также показал (р. 91), что обогащение само по себе не составляло принципа Кекавмена: оба эти положения в полной мере соответствовали устоям феодального общества. Но у Кекавмена встречаются и более определенные свидетельства.

«Если ты живешь как частное лицо, — пишет Кекавмен, — подчиняется тебе народ области»³⁵. Как может быть понято это место вне категорий феодального общества? Как в иных условиях «частное лицо» могло подчинять себе население области? Как в иных условиях оно могло осуществлять суд над ними (см. Сес., 57. 9—11)? На все эти вопросы Лемерль не дает ответа.

³² В г у е н н i o s. Commentarii. Bonnae, 1836, р. 87—21; А п п а С о м п е н а. Bonnae, 1884, vol. I, р. 18 sq.

³³ См. еще противопоставление κοφίσαι и ἐξκουσῆσαι (р. 42.19—21) и освобождение от службы за деньги (р. 102.3).

³⁴ О феодальной иерархии в Византии см. А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 117 слл.; Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 238 слл.

³⁵ С е с., р. 56.31—32. Ср. *ibid.*, р. 62—21 и перевод Г. Цанковой-Петковой (Указ. соч., стр. 602) и Бека (S. 110: mags du Privatmann sein).

С полным правом мы могли бы считать вассалами тех δοῦλοι καὶ ἐλεύθεροι (р. 65. 4), которые запираются вместе с их господином в акрополе («кула») и которые должны участвовать вместе с господином в вылазках³⁶. Вассалитет имеет в виду Кекавмен и в другом месте. «Если противник, — пишет он, — просит, чтобы ты дал ему землю от страны твоей, не соглашайся, если он не поклянется, что будет твоим подданным и подвластным, но и это делай при крайней необходимости» (р. 17. 11—13). Далее Кекавмен говорит, правда, о печенегах, которым неосторожно поверили и дали места для поселения (р. 17. 16—20), но этот конкретный пример не исключает и личного оммажа одного собственника и топарха по отношению к другому.

Недаром у Кекавмена упоминается особый род службы — δουλεία ἰδιωτικὴ (р. 19. 29). Недаром «экономически сильные», даже не занимая никакой официальной должности, имеют крепости, отряды воинов, способны выдержать длительную осаду восставших или даже разгромить их. Недаром Кекавмен допускает, что его сын может стать «повелителем» (ἐξουσιαστής), никому не подвластным (ἀντεξουσίον), даже императору (р. 76. 16). Крупные собственники такого рода могут, по словам Кекавмена, нападать на соседних магнатов или сами подвергнуться нападению (р. 40. 32—41. 33).

В связи с проблемой феодальных институтов следовало поставить вопрос и о византийской прониции, упомянутой Кекавменом. Он рекомендует давать перебежчикам «добрую и обильную проницию» (τὴν πρόνοιαν... ἀγαθὴν καὶ δαψιλὴν) (р. 11. 6—7), что Бек (стр. 35) переводит, не придавая этим словам технического значения, *versorge sie reichlich*.

Не менее интересные (также до сих пор не использованные) сведения о прониции XI в. имеются у Пселла. Так, Пселл пишет, что судья какой-то маленькой фемы намеревался явиться в Константинополь и просить, чтоб его перевели в большую феми или чтобы он «получил здесь (в Константинополе) проницию»³⁷; прониция в данном случае понимается как источник доходов. Проницию над какими-то имуществами (τῶν κτημάτων) осуществляли монахи монастыря Нарса в Опсии³⁸.

Недостаточно внимательно отнесся Лемерль и к известиям Кекавмена о византийском ремесле и торговле.

Касаясь вопроса об отношении автора памятника к деятельности этого рода, П. Лемерль замечает, что мы не находим у Кекавмена об этом «почти ничего» (р. 33), что он надменно игнорирует ремесло и торговлю (р. 17). Необходимо, пожалуй, различать, что Кекавмен сообщает об этих видах деятельности и как он сам к ним относится. Что касается отношения Кекавмена к торговле, то вывод П. Лемерля справедлив. Однако это не мешает Кекавмену привести некоторые важные сведения на этот счет, которые не учтены Лемерлем.

Так, Кекавмен советует правителю иметь своих шпионов во всех цехах (τὰ σοστήματα) (р. 5. 2—3), — свидетельство очень важное, так как о цехах XI в. мы почти ничего не знаем. В другом месте Кекавмен сообщает, что при торговле с иноземцами за рынком наблюдал местный правитель — в данном случае правитель (δυναστής) Димитриады, — бдительно следивший, не будет ли продано или куплено что-либо такое, что он захотел бы

³⁶ Ср. о них же: μετὰ τῶν ἀνθρώπων σου (Сес., р. 64. 19—20). См. также рассказ о Никулице Дельфине, который имел своих людей (ἀνθρώπους γὰρ ἔχει καὶ λαὸν ἴδιον) (Сес., р. 68. 7).

³⁷ Psellus. Scripta minora, II, р. 303. 8—9.

³⁸ Ibid., II, р. 150. 24—25.

приобрести сам. При этом рынок устраивался там, где этому династу было угодно (р. 33. 29—34. 25).

В другом месте Кекавмен сообщает, что некоторые яства для роскошной трапезы могли стоить больших денег (р. 49. 5—7). К числу приобретаемых по такому случаю яств принадлежали, например, зайцы, куропатки, рыба (р. 48. 7—8). Как об обычном и распространенном явлении говорит Кекавмен и о покупке состоятельным человеком драгоценностей (р. 61. 16—19). Говорит он и о торговле на рынке лекарственными травами (р. 53. 11). По словам Кекавмена, можно нести «военную службу» или «частную», быть писцом или заботиться о войске, «или выходить в поле, либо покупать то или другое» (р. 19. 29—20. 1).

Особенно интересно другое сообщение Кекавмена о торговле — как внутренней, так и внешней. «Если в подвластной тебе стране есть морское побережье и суда добровольно ли — ради торговли (*διὰ πραγμάτων*) — или недобровольно — по воле волн — приходят [к тебе], давай им приют и отдых. Если будешь так поступать, прославят тебя и соседи, и чужеземцы, окажутся все твоими истинными друзьями, страна же твоя будет избавлена от козней, и у тебя не будет забот. Если же ты станешь взыскивать поборы (*εἰ δὲ γενήσῃ ἐπηρεαστής*) ради постыдной прибыли, будут против тебя злоумышлять и на земле, и на море, и будут сопутствовать беды и тебе, и стране твоей» (р. 79. 3—10).

Конечно, следует учитывать, что житейская мудрость Кекавмена граничит с подозрительностью, тем не менее едва ли можно поставить под сомнение некоторые интересные факты, которые он сообщает в приведенном выше параграфе. Наиболее оживленные торговые связи осуществлялись в XI в. по морю, причем эта торговля имела, по всей вероятности, существенное значение для населения, ибо в случае благоприятного отношения правителя области к купцам, его имя приобретало популярность как в соседних с его областью землям, так и далеко за границей. Корыстное же отношение к купцам, взимание с них торговых пошлин³⁹ было способно возбудить против него негодование и купцов, и жителей, и дело могло окончиться гибелью или изгнанием корыстолюбивого правителя.

И в XI в. тип полупирата-полукупца был весьма распространенным; оказывая гостеприимство торговцам, правитель или господин области должен был проявлять крайнюю осторожность. Впрочем, торговля, по мнению Кекавмена, — не дело доблестных разумных мужей, а занятие, приравниваемое им к труду пастуха и земледельца. «Если у тебя, — говорит он, — кто-нибудь попросит в долг и если он хочет это⁴⁰ для выкупа пленных или по какой-либо другой настоятельной необходимости и благовидной причине, то дай ему, что можешь..., но чтобы не ради процентов или постыдной прибыли, или сатанинской любви. Если же ему нужно это для того, чтобы взять на себя налоговую службу или купить рабов, либо имение, или другое что-либо, или ради торговли, не давай ему». (р. 47. 28—48. 2). Кекавмен предупреждает, на какие ухищрения может пойти домогающийся получить в долг: «Затем он покажет тебе, — пишет наш автор, — достаточное золота, которое он занял у другого, и скажет тебе, что он предназначил все это для означенного товара, но не желают такого чекана, а хотят того, какой, он думает, у тебя есть. „И я знаю, — скажет, — что у тебя есть, и если ты меня любишь, дай мне, дабы я не потерял

³⁹ Ср. сообщение Никиты Хониата о том, что византийские вельможи — обладатели прибрежных районов — обычно подвергали разграблению торговые суда, потерпевшие бедствие близ берегов, принадлежавших этим феодалам (*Nicetas Choniata. Historia. Vonnae, 1835, p. 427*).

⁴⁰ Мы принимаем конъектуру П. Лемерля (р. 103) — *ἀπό (δάνειμα) вм. αὐτό* (р. 47. 29).

товар (*πραγματεια*), ибо предполагаю извлечь большую выгоду, а завтра или в конце недели получишь свое вместе с большими дарами.» (р. 48. 10—16). После этого должник начнет избегать займодавца и увильгивать от уплаты долга: «Ведь я,— скажет,— товар свой не продал» (р. 49. 3).

Владение рабами у Кекавмена — явление обыденное и отнюдь не предосудительное, но покупку рабов он осуждает, как и торговлю ради прибыли, хотя ею могут заниматься и друзья столь добродетельного архонта. Ясно при этом, что лицемерный друг-должник берет в долг не ради покупки для себя, а ради перепродажи, которая обещает принести большую прибыль.

Следует, советует Кекавмен, избегать необходимости покупать, особенно продукты. Он рисует картину образцового хозяйства, рачительный господин которого позаботился о том, чтобы у него производилось все необходимое и для него, и для «его людей» (р. 36. 10—23). Бесхозяйственный окажется в тяжелое время в трудном положении. Ему придется «занять необходимое», а дающего нет, тот, у кого попросишь, скажет тебе: «Поверь, имел, но другие до тебя просили меня, и я отдал им...» Наконец, кто-нибудь даст в долг номисмы, но под проценты, да еще «владения твои попросит в залог, ты же добровольно сделаешь ему документ, положишь и срок. И вот срок придет, а у тебя нет ничего» (р. 36. 31—37. 24). В результате, говорит Кекавмен, «ты или лишишь себя унаследованного имущества (*γονιμόν*), или то, что я приобрел с великим трудом и потом, ты, отдав за бесценок, уплатишь ему. А если не сделаешь этого, он второй залог получит от тебя, ты будешь вынужден пообещать удвоить проценты и проценты на проценты, и когда вырастет великая сумма, заплачешь жалобно и счастлив уж будешь, ныне влекомый в судилище» (р. 37. 24—29).

Иногда же, однако, можно и торговать. Кекавмен вовсе не исключает такого способа добывания денег «благородными мужами». Любопытно в этом отношении следующее его поучение: «Пока ты беден (*πτωχός*), не принимайся строить, иначе — запутаешься в долгах и откажешься от своих намерений, а лучше насаждай виноградники и возделывай землю, которая даст тебе плоды свои, и беспечально будешь довольствоваться. Когда же все это будет в избытке, начинай строить. Ведь деньги возведут дома́ и господь...» (р. 51. 16—20).

Согласно смыслу этого параграфа, когда у хозяина появляются излишки продуктов, появляются и деньги, и тогда он может строить. Кажется, оправданным был бы вывод, что эти деньги будут получены им от продажи произведенных в его хозяйстве продуктов. В связи с этим интересен и другой совет: «Старайся, возделывая землю, побольше произвести вина, а пей его поменьше» (р. 50. 1). Ведь и в приведенном выше отрывке говорится о насаждении виноградников, а затем о появлении возможности «строить». Не на продажу ли это вино предназначалось?

Одним из спорных вопросов, по которому П. Лемерль выдвинул недавно новую точку зрения, является вопрос о *στρατεια* — стратиотском участке. По его мнению, в X в. владельцы этих участков не были воинами, а лишь уплачивали подати, идущие на военные расходы, что воин обозначался не термином *στρατιώτης*, а словом *στρατευόμενος*⁴¹. Из сочинения Кекавмена очевидно, что для XI в. эта теория неверна.

⁴¹ P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique», t. 229, p. 71; t. 220, p. 43 sq., 49 sq., 67—68. Критические замечания см. А. П. Каждан. Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. ВВ, XVI, 1959 стр. 95—96. Даже ученица Лемерля Э. Гликати-Арвейлэ считает термины *στρατιώτης* и *στρατευόμενος* тождественными (H. G l y k a t z i - A h r w e i l e r. Op. cit., p. 10).

Во-первых, *στρατώτης* в памятнике означает только война. Во-вторых, нельзя сказать с уверенностью, что термин *στρατεία* в памятнике употреблен именно в смысле «стратиотский участок». В самом деле, Кекавмен говорит: „Послушай, что делают архонты флота: ἐν πρώτοις μὲν στρατείας ἐῶσιν ἐξκουσῶσθαι λαμβάνοντες ἐξ αὐτῶν νομίσματα οὐχ ὅσα ἤθελον δοῦναι εἰς τὴν ἐπήρεια τοῦ στόλου, ἀλλ' ἐν διπλῇ ποσότητι, καὶ γίνεται χελάνδιον ἑλλιπές“ (р. 102. 2—5). Лемерль переводит: «...ils acceptent que les strateiai fassent l'objet d'une exemption, en recevant d'elles de l'argent, non pas la somme qu'elles devaient verser pour les services de la flotte, mais le double», т. е. «они соглашаются, чтобы стратии стали объектами изъятия, получая с них деньги не в той сумме, в какой они должны платить для служб флота, но вдвойне» (р. 90). Лемерль заключает, что речь идет об обязательстве поставлять гребцов, но не воинов! (р. 90).

Действительно, в приведенном отрывке идет речь не об освобождении от уплаты эпирий, а от личной службы во флоте. Но от службы гребца ли только? Г. Бек переводит более осторожно: Flottendienst⁴². *Στρατεία* может означать здесь просто «войско», «военная служба», как это слово употреблено у современника Кекавмена Михаила Пселла, который пишет, что «стратиот подлежит воинской повинности» (*στρατιώτης στρατιᾶς ὑποκειμένος βάρει*) и поэтому не платит телоса⁴³.

Следовательно, отрывок можно перевести: «Во-первых, [архонты флота] позволяют освобождаться от военной службы [во флоте], беря с них номисмы не в том размере, в каком они хотели давать на эпирии для флота, но в двойном количестве, и хеландия оказывается с недостатком». Иначе говоря, речь идет попросту о замене личной военной службы во флоте внесением эпирий, однако — из-за произвола архонтов флота — не в том размере, в каком эти эпирии взимались с получивших право не служить лично, а в двойном (тайно, без ведома официальных властей фиска).

Крайне мало, к сожалению, говорит Лемерль и о налоговой системе. Он обращает внимание на уже отмечавшееся в литературе⁴⁴ свидетельство Кекавмена об опасности чрезмерного отягчения налогами окраинных, пограничных земель империи, населенных «иноплеменниками»⁴⁵. Но даже сообщения Кекавмена об откупщиках затронуты Лемерлем лишь мимоходом (р. 91), тогда как, насколько нам известно, это единственные в своем роде известия. Из них, кстати говоря, следует, что откупщик был обязан обеспечить не только поступление налоговых сумм в обусловленном размере, но и выполнение ангарий (р. 40. 15—27); иногда он оказывался и в тюрьме, как это следует из сообщения логофета геникона Алексею I о некоем Димитрии Каматире, откупившем налоги во Фракии и Македонии и обязавшемся внести их в двойном размере, но не сдержавшем обещания⁴⁶.

Не представляется нам убедительным и категоричный вывод Лемерля о *πολιταὶ* как о «высших гражданских чиновниках» (р. 79). Автор ссылается

⁴² Н.-Г. В е с к. Op. cit., S. 147.

⁴³ P s e l l o s. Scripta minora, II, p. 154. 28—155. 12. См. об этом: Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 336 сл. Об этой взаимной замене военной службы уплатой телоса и уплатой телоса военной службой сообщает и Скилица (C e d r., II, p. 608).

⁴⁴ См. Г. Г. Л и т а в р и н. Налоговая политика Византии в Болгарии (1018—1185 гг.). ВВ, X. 1956, стр. 88.

⁴⁵ Неясно, впрочем, почему Лемерль считает такой пограничной областью и Элладу (как и Иверию) (р. 92). Эллада в XI в. не более «погранична», чем Фракия с Константинополем.

⁴⁶ Jus, III, p. 393.

ется при этом на следующее место: «Пусть стратиотам,— говорит Кекавмен в советах императору,— не задерживается их руга, точно так же как и синклитикам и *πολιται*,— каждому в соответствии с его делом, как было от начала установлено, и он будет служить тебе без ропота» (р. 98.7—10).

Собираясь взять откуп налогов, родственник Кекавмена стратиг Майос в разговоре с его отцом «указал ему на дома горожан (*πολιτῶν*), говоря, что все эти здания построены благодаря службе фиску» (р. 39. 16—19).

Лемерль, к сожалению, не говорит, кого он имеет в виду под «высшими гражданскими чиновниками»; ведь в их число входило немало и синклитиков, от которых Кекавмен определенно отличает *πολιται*. Это слово он употребляет еще два раза, но оба раза в значении «горожане» вообще (а не только «горожане» столицы). «Был в Элладе,—пишет он,— некий многолюдный город. Поэтому тогдашний болгарский тиран Симеон очень хотел завладеть им. Но тщетным оказался его труд. А посему умыслил он примириться с жителями крепости» (*μετὰ τῶν πολιτῶν ἵκιστρον*). Прикинувшись другом жителей города, Симеон тайно обрубил петли у городских ворот, «горожане» (*τῶν πολιτῶν*), растерялись, узнав о случившемся, «а люди тирана вошли через ворота и без крови овладели городом» (р. 32. 28—33. 17).

В отличие от этого в приведенном Лемерлем отрывке *πολιται* — какие-то служители, чиновники, хотя, по нашему мнению, отнюдь не «высшие». Мы бы приравнивали их в данном случае к неоднократно упоминаемым Кекавменом *πολιτικοί* (р. 6. 26—29; 8. 10—14; 8. 27—9 3; 20. 19—30; 94. 10—26)⁴⁷, под которыми разумеются то широко — просто гражданские лица (причем именно образованные люди), то конкретно (и гораздо чаще) — именно государственные служащие, может быть, только столичные, причем не «высшие гражданские чиновники», а рядовые: судьи финансового ведомства, нотариусы, служащие секретов, писцы, придворные грамматик и философы.

Остановимся теперь на высказываниях французского ученого, касающихся некоторых политических событий, описываемых Кекавменом, прежде всего относительно фактов, связанных с историей Болгарии.

По мнению П. Лемерля, ни дед автора по матери — Димитрий Полемарх (р. 21—22), ни другой дед — Никулица, дука Лариссы в конце X в. (р. 42. 52, 56) (дед его жены, как склонен думать Лемерль), не были болгарскими (или влахами). Текст источника не дает права на столь категоричное утверждение. П. Лемерлю известны работы болгарских и русских ученых, но сомневавшихся в славянском происхождении упомянутых лиц, и автору следовало бы остановиться на своей аргументации подробнее.

П. Лемерль приводит, в сущности, лишь два довода: 1) имена названных лиц, которые ему представляются греческими, и 2) рассказ Кекавмена о том, при каких обстоятельствах Василий II сместил Никулицу с поста доместика эскувитов Эллады.

Но первый довод Лемерля — вообще не аргумент: имена Димитрий и Никулица (Николица) характерны для грека X—XI вв. не более, чем для болгарина. «Полемарх» же, как уже отметила Г. Цанкова-Петкова в известной Лемерлю статье, можно истолковать как прямой перевод слова «воевода»⁴⁸: Полемарх и в самом деле был воеводой Самуила

⁴⁷ О *πολιτικοί* Лемерль пишет лишь (р. 7), что этот термин употребляется иногда в похвальном, иногда — в уничижительном смысле. Традиционное понимание термина *πολιτικός* (невоенный) мы находим у Мавропода (*I o h a n n i s ... quae supersunt*, № 186.5 и 43).

⁴⁸ Г. Цанкова-Петкова. Указ. соч., стр. 600, бел. 1.

(р. 28. 32—29. 26). Не случайно и то обстоятельство, что во всем памятнике формула *οὗτω καλούμενος* употреблена лишь при именах *Δημήτριος* и *ὁ Πολεμάρχιος* (р. 29. 2—3) и *ὁ Βότκος* (р. 32. 6), *καλούμενος* — при имени *Ζεπέ* (р. 28. 27), *λεγόμενος* — при имени *Δεκάβολος* (р. 74. 14), т. е. лишь при негреческих именах.

Важнее, однако, другой аргумент, на который ссылается Лемерль. Василий II, отнимая у дуки Эллады Никулицы неотъемлемо (пожизненно) дарованную ему Романом II должность доместика экскувитов Эллады, чтобы отдать ее некоему Петру, «племяннику короля германцев», отправил Никулице письмо, в котором писал: «Но поскольку он (Петр) — чужеземец, царство мое не может назначить его стратигом, чтобы не оскорбить ромеев...» (р. 96. 17—19). Поэтому должность доместика экскувитов (но не дуки) Эллады Василий II передал Петру, а Никулице в качестве компенсации — начальство над влахами Эллады. Следовательно, думает Лемерль, в отличие от Петра, чужеземца, Никулица был ромеем и поэтому мог занимать должности не только стратига, но и дуки, т. е. такие посты, которые, согласно смыслу письма Василия II, не могут замещаться иностранцами.

Но в другом месте сам же Лемерль совершенно справедливо заметил, что «иностранцами» Кекавмен называет главным образом людей Запада, варягов и арабов, т. е. представителей тех народов, которые находятся, «скорее, вне языковых и религиозных границ империи, чем вне ее политических границ». Таким образом, Никулица, даже если бы он был болгарин, не был в глазах Кекавмена чужеземцем. Кекавмен, говорит Лемерль, не считал иностранцами как представителей своей армяно-грузинской семьи, так и болгар и влахов (р. 80, п. 2). Нельзя сбросить со счета и то обстоятельство, что Димитрий Полемарх был воеводой Самуила, отличился в боях с греками и лишь после завоевания Болгарии оказался, как и другие болгарские вельможи, на службе у византийского императора, что один из военачальников из рода Никулиц, не раз убежавший во время войн Самуила и Василия II из византийского плена, неизменно возвращался в Болгарию, когда болгары уже терпели все более серьезные неудачи, и закончил жизнь в фессалоникской тюрьме.

Восставшие в 1066 г. болгары и влахи, принудили именно Никулицу Дельфина возглавить их восстание. Ближайший родственник и Полемарха, и Никулицы, автор «Стратегикона», знает болгарский язык и дважды толкует болгарские слова, сравнивая их с греческими (р. 3. 4; 28. 14). Признает это и П. Лемерль (*auteur... semble même connaître la langue bulgare* — р. 21. п. 4).

Во всех рассказанных автором памятника эпизодах (как верно отметила Г. Цанкова-Петкова)⁴⁹, нет и тени враждебности к болгарам, а тем более презрения и высокомерия, свойственного обычно авторам других нарративных произведений византийской литературы того и последующего времени.

Другой сходный с предшествующим вопрос, в решении которого нельзя согласиться с Лемерлем, — это вопрос об этническом составе участников и характере восстания в Фессалии в 1066 г. Автор усматривает в этом восстании обычное для Византии того времени возмущение населения, вызванное повышением налогов (р. 75)⁵⁰. Лемерль справедливо указывает на факт участия в восстании и греческого местного населения,

⁴⁹ Г. Цанкова-Петкова. Указ. соч., стр. 598.

⁵⁰ В этом месте Кекавмен употребляет выражение *φανέρωσις* (р. 70, 13, ср. р. 98. 11), которое Лемерль (р. 92, п. 4) переводит как «официальное объявление» (*declaration officielle*) о высоте налогов. Сходное толкование было уже дано В. Г. Васильевским «Советы и рассказы...». ЖМНП, ч. 216, стр. 319).

что было уже отмечено М. Дьони⁵¹. Следует, однако, сказать, что это было восстание прежде всего болгар и влахов. С начала и до конца рассказа о восстании речь идет прежде всего о них. Наиболее часто при этом упоминаются вlahи, затем болгары и, наконец, жители Лариссы и — один раз — жители Триккал.

«В Элладе, — рассказывает Кекавмен, — должен был случиться мятеж» (р. 66. 22); предводители мятежников (р. 67. 12) и «их товарищи» договорились с вlahами и триккалитами (р. 67. 14—16), эти «архиги» — апопротоспафарий Иоанн Гримианит и Григорий Вамвака явились как посланцы мятежников к Никулице Дельфину (р. 68. 10), они собрались на совет в доме Веривоя Влаха (р. 68. 16) и сообщили вlahам, что и протоспафарий Никулица Дельфин прибыл на их совет (р. 68. 16—18). Никулица говорил перед мятежниками, специально обратившись при этом к вlahам (р. 68. 26—29. 5). После того как он убедил мятежников разойтись, они в полдень снова пришли к нему «все вместе», и вlahи, и болгары, возвращенные лариссцами, «согражданами» Никулицы (р. 69. 9—11)⁵². Выступив в поход, восставшие отправились к Фарсалу и реке Плирис, в долине которой по обоим берегам жили вlahи (р. 69. 29—70. 3); здесь они пополнили свои ряды множеством влахов и «живших там по соседству болгар». (р. 70. 3—5). После взятия Сервии и получения письма императора о ликвидации налоговых надбавок, а также о наградах предводителям и прощении всех восставших Никулица арестовал некоторых предводителей влахов (архонта Славоту Кармалака) и лариссцев (Феодора Скривону Петаста) (р. 71. 30—72. 1); отправляясь к катепану Болгарии Андронику Филокали в Петериск, а от него в Константинополь, Никулица захватил с собой «предводителей» (*πρὸςκρίτους*) влахов и лариссцев (р. 72. 5—6.12).

Согласно перечисленным выше данным источника, следует признать, что было бы слишком смело объявить всех лариссцев греками (как, очевидно, и триккалитов). Как у вlahов-скотоводов был один предводитель, так был свой глава и у земледельцев (болгар и греков вместе), т. е. в тех случаях, когда Кекавмен упоминает лариссцев, он имеет в виду и болгар, и греков одновременно.

Если опять-таки следовать приведенным выше данным источника, необходимо признать, что вlahи и болгары составляли большинство восставших в 1066 г.; поход на юг (к Фарсалу и реке Плирис) был предпринят как раз с целью пополнить ряды восставших именно жившими там болгарами и вlahами.

Упомянув о статье Г. Г. Литаврина (р. 75, п. 2)⁵³, П. Лемерль считает ошибочной оценку восстания как народно-освободительного движения влахов и болгар. В связи с этим он пытается представить Никулицу в роли претендента на императорский престол (узурпатора), а прямой целью похода восставших на север считает Константинополь. Это, однако, трудно доказать. Предположение о том, что восставшие хотели выдвинуть Никулицу на царство, подтверждается, по мнению П. Лемерля, (р. 21, п. 3), употреблением глагола *πολυρνήζω*: посланцы к Никулице из Сервии выразили притворную готовность «провозгласить многие лета» Никулице, если бы он захотел приказать им это (*καὶ εἰ κελεύης πολυρνήζωμεν σε ὄνν*—

⁵¹ М. G y ó n i. Op. cit., p. 143.

⁵² συγαστήριται αὐτοῦ. П. Лемерль (р. 105) предлагает вместо αὐτοῦ — αὐτῶν, что кажется вполне вероятным и свидетельствует в пользу нашей точки зрения о характере восстания, а не П. Лемерля.

⁵³ Г. Г. Л и т а в р и н. Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. ВВ, XI, 1956.

р. 70. 27—28). Но Никулица не приказал, да и у посланцев не было никакого желания это делать. Но если даже Лемерль прав и восставшие действительно провозгласили Никулицу царем (как некогда Деляна), то и в этом случае не исключено, что провозгласили они его «царем болгар и влахов», а не «императором ромеев».

Напротив, маршрут похода восставших свидетельствует скорее в пользу нашего предположения (они направлялись прежде всего в Болгарию, рассчитывая встретить там такой же прием, какой нашли у болгар и влахов в долине реки Плирис), чем в пользу вывода Лемерля о движении на Константинополь, чтобы посадить на престол нового императора. Поэтому после взятия Сервии они и оказались недалеко от Петериска, откуда с ним вел переговоры и где ожидал Никулицу катепан Болгарии Андроник Филокали. Сам Лемерль признает, что Петериск — не Петрич (Бачково) под Филиппополем и не Петрич к юго-западу от Мельника, и соглашается с локализацией Петериска В.Н.Златарским к юго-западу от озера Острово, на маленьком озере Петериск (ныне Петарско) (р. 22, п.). Но, принимая это, Лемерль вынужден заметить, что Никулица, непонятно почему, сделал «крюк» (crochet) к северу, хотя этот крюк, по мнению Лемерля, был очень невелик (insignifiant). Гипотеза о движении восставших на Константинополь столь неожиданной дорогой, которая скорее вводила в горы, в глубь Болгарии, чем к путям на восток, к Фессалонике и далее — к столице, весьма сомнительна.

Можно, кстати говоря, еще раз спросить автора разбираемой нами работы: почему Филокали был «очень испуган», как пишет Кекавмен (72. 6—9), коль скоро путь мятежников лежал в стороне от вверенной его управлению области; чего ради он «затаился» в Петериске (р. 72. 8), у границ своего катепаната, если собственно Болгарии восставшие не угрожали, двигаясь на столицу; почему, наконец, Филокали «искал убежища», как думает Лемерль (р. 22, п.), здесь, в сравнительной близости от собственно византийских городов, а не за могучими стенами своей резиденции в Болгарии — Скопле, если восстание не носило народно-освободительного характера?

Несомненно, эти действия Филокали были вызваны специальным распоряжением императора (ведь именно через Филокали Никулице было передано письмо Константина X и его «клятвы» — р. 72. 6—7): правитель Болгарии, которая оказалась под угрозой, должен был добиться прекращения «мятежа» либо путем переговоров, либо применением силы, если бы в этом возникла необходимость.

Остановимся на нескольких более мелких замечаниях. Лемерль считает Никулицу Старого непосредственным преемником Кекавмена (деда автора) на посту стратига Лариссы в 983—986 гг. (р. 44) и говорит как о факте, что Никулица (дед) был в Лариссе и во время ее осады Самуилом, и при самом захвате города болгарами (р. 45). Однако в источнике об этом нет никаких сведений. Скорее, наоборот, некоторые данные говорят против допущения пребывания Никулицы в Лариссе в это время. Самуил, рассказывает Кекавмен, взял город, „поработив всех лариссцев, кроме рода Никулицы: ведь лишь их одних переселил, не причинив им ущерба, как свободных вместе с их имуществом, говоря [при этом]: «Весьма благодарен я порфирородному Василию за то, что он забрал свата вашего (συμπληθέρων σας) Кекавмена из Эллады и избавил меня от его хитрости“ (р. 66.5—11). Слово «σας» (вашего) позволяет думать, что Самуил обращался к домочадцам Никулицы, а не к нему самому.

При установлении даты написания памятника следовало бы всё-таки отметить, что *terminus post quem* (2 августа 1075 г. — упоминание о пат-

риархе Иоанне Ксифилине как об умершем — р. 72. 13—14) был впервые указан Дьони⁵⁴, а затем Ив. Дуйчевым⁵⁵. Что касается *terminus ante quem* (7 января 1078 г. — дата свержения Михаила VII Дуки), то следует, по нашему мнению, обратить внимание на то, что Кекавмен говорит, кажется, о Никифорице, разделившем судьбу своего царственного брата, не только как уже о не стоящем у власти, а, может быть, как об умершем («он был евнухом», пишет Кекавмен — р. 73. 14). В связи с этим следует сказать и о конъектуре Лемерля ἐξ ἀγέλης (р. 63. 105). вместо ἐξ Ἀγγέλῃς издателей и ἐξ ἀγγέλαις подлинника (р. 95. 7—8 et nota). Как известно, упоминание о появлении в Византии наемников, прибывших «из Англии», служило уже для В. Г. Васильевского основанием датировать составление памятника 1080—1081 гг., ибо Анна Комнина упоминает о прибытии английских воинов в Византию именно под 1081 г.⁵⁶ П. Лемерль справедливо подвергает сомнению конъектуру издателей. В самом деле, текст гласит: «Чужеземцев, если они не из царского рода (ἀπὸ τοῦ βασιλικῆς γένους) своей страны, не возводи в большие чины (εἰς μεγάλας ἀξίας) и не вверяй им больших полномочий (μεγάλας ἀρχάς), ибо, поступая таким образом, конечно, унизишь и себя самого, и архонтов ромейских: ведь если почтишь прибывшего из Англии (ἐξ Ἀγγέλῃς) чужеземца примикерием или стратигом, ты сделаешь его [своим] врагом» (р. 95. 4—9).

Ἐξ Ἀγγέλῃς, кажется, действительно плохо увязывается с контекстом: как мы видели, «чужеземцы» у Кекавмена — и «франки», и «германцы», и «варяги», а отнюдь не специально только «англичане». Но это и не «чужеземцы» ἐξ ἀγέλης («из толпы», «из низов», «из просто-народья»). Непонятно, во-первых, почему иноземцу «царского рода» противопоставляется, по мнению Лемерля, иноземец-простолюдин к тому же, как следует из дальнейшего текста (р. 95. 9—15), простолюдин, известный в кругу знати той страны, откуда он прибыл. Во-вторых, если мы примем конъектуру Лемерля, можно заключить, что чужеземца из «царского рода» (в противоположность простолюдину) можно сделать стратигом, что противоречит другому высказыванию Кекавмена (р. 96. 5—20 — мы его приводили выше). Кекавмен считает, что не следует давать высокие чины *всем* иностранцам, кроме представителей королевского рода, а не только простолюдинам; начальство же над крупными областями (должности дуки, катепана, стратига) — не давать *никому* из чужеземцев, даже племянникам западных венценосцев.

Мы думаем, что в указанном месте говорится о факте прибытия (ἐλθόντα) иностранца откуда-то или о способе его прибытия, а не о его низком социальном происхождении, о чем Кекавмен всюду говорит совсем в других выражениях.

Исследование Лемерля, подводящее итоги длительной работе различных ученых над «Советами и рассказами» Кекавмена⁵⁷, еще раз показало, какой обильный материал содержится в этом памятнике; оно свидетельствует, далее, насколько необходимо в настоящее время новое издание «Советов и рассказов». Вместе с тем многие проблемы, возникающие из изучения книги Кекавмена, пока еще остаются спорными и нуждаются в дополнительном рассмотрении.

⁵⁴ M. G u ó n i. Op. cit., p. 124.

⁵⁵ Ив. Д у й ч е в. Указ. соч., стр. 60, бел. 5.

⁵⁶ C e c., Praefatio, p. 8—9.

⁵⁷ Нам кажется, что можно было ожидать больше ссылок на труды авторов, пришедших еще до Лемерля к тем же выводам, что и он, и особенно на работы В. Г. Васильевского, М. Дьони, Г. Цанков и Петковой, Г. Бека и И. Дуйчева.

Отдельные главы работы Лемерля представляются нам неравноценными; ее наиболее удачные части — источниковедческие в узком смысле слова: конъектуры, определение состава памятника, выяснение биографии Кекавмена; рассмотрение же данных по политической истории, как мы старались показать, вызывает известные возражения, а использование свидетельств Кекавмена о внутреннем строе неполно и, помимо того, подчинено доказательству односторонней и ошибочной точки зрения — отсутствия в Византии феодальных общественных отношений. Наименее освещенным представляется нам вопрос о месте «Советов и рассказов» в литературе XI в. — вопрос о социальных взглядах автора и художественных особенностях произведения, который может быть решен только при условии рассмотрения нашего памятника в тесной связи с современными ему произведениями византийской литературы.

Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан

ОБЗОРЫ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В ВЕНГРИИ (1946—1959)

После окончания второй мировой войны для византиноведения в нашей стране сложились более благоприятные условия, чем в предыдущие годы. Трудности первых послевоенных лет постепенно уменьшались, и хотя венгерская наука не была представлена на VIII, IX и X международных византиноведческих конгрессах, на XI конгрессе в Мюнхене в 1958 г. уже присутствовал венгерский ученый¹.

Наше византиноведение понесло в последние годы тяжелые утраты. Безвременно погиб М. Дьони — филолог-византинист выдающейся эрудиции². Мы потеряли Г. Фехера — автора ценных работ в области болгаро-византийских отношений³.

О достижениях венгерского византиноведения за последнее время дают представление библиографические отделы журналов *Byzantinische Zeitschrift* и *Byzantinoslavica*. Кроме этого, вышло несколько обзорных статей, которые, будучи посвящены достижениям венгерской классиче-

¹ Gy. M o r a v c s i k. A XI nemzetközi bizantinológiai kongresszus (= XI международный конгресс византинистов). Magyar Tudomány, 1959, old. 100—101. Названия статей, опубликованных только по-венгерски, приводятся также в скобках в русском переводе. Названия трудов, снабженных резюме на русском языке, приводятся только по-русски; при этом указывается, на каком языке опубликован оригинальный текст. Соответствующим образом названия статей, опубликованных по-венгерски и снабженных резюме на каком-либо другом языке, приводятся только на языке резюме.

² J. H a r m a t t a. Mathias Gyóni (1913—1955). BS, XVII, 1956, p. 374—375. AAnt, 3, 1956, p. 335—337 = венг. AT, 3, 1956, old. 188—190; Gy. M o r a v c s i k. Mátyás Gyóni. BZ, XLVIII, 1955, S. 537—538 = венг. MTAI, 8, 1956, old. 299—303; i d e m: Gyóni Mátyás irodalmi munkássága (= Научно-литературная деятельность Матиаса Дьони). AT, 3, 1956, old. 190—192.

³ J. H a r m a t t a. Géza Fehér (4 août 1890—10 avril 1955). AArch, 5, 1955, p. 297—298 = венг. AE, 82, 1955, old. 229—230; Gy. M o r a v c s i k. Fehér Géza (1890. VIII. 4.—1955. IV. 10.) AT, 2, 1955, p. 262.